

Ходжиакбар ШАЙХОВ

ПАМЯТЬ ПРЕДКОВ

Повесть

Перевод с узбекского ВАЛЕРИЯ НЕЧИПОРЕНКО

(с) Издательство "Молодая гвардия", 1985 г.

В прошлый четверг вечером через мое тело в течение короткого промежутка времени проходил поток упорядоченно движущихся электронов. А проще говоря, в прошлый четверг меня здорово шарахнуло током.

Конечно, мало приятного, когда неведомая сила вдруг подбрасывает тебя в воздух, швыряет на пол и заволакивает твое сознание. Но... но все же я благодарен собственной неосторожности. Она помогла мне стать свидетелем, а может быть, и участником невероятных событий, память о которых я сохраню навсегда.

Впрочем, все по порядку.

Итак, в четверг...

Наша лаборатория заканчивала работу над заказом комбината тугоплавких и жаропрочных материалов. Последний месяц мы практически не отдыхали. Я, как руководитель группы, приходил в лабораторию первым и уходил последним. Но дело спорилось. «Малютка», вобравшая в себя последние достижения электронной техники, была в срок подготовлена к испытаниям.

В четверг мы собирались сделать пробное включение. Какова же была наша досада, когда оказалось, что какой-то растяпа установил источник питания с пробитой обмоткой. Чего не случается в спешке! Но все устали и, наверное, потому страшно рассердились. В сердцах мы наговорили друг другу много лишнего. Бывает у нас так иногда. Ехать на базу за новым источником было уже поздно. Я отправил ребят по домам в надежде, что за ночь они успокоятся, а сам остался в лаборатории. Никаких намерений у меня не было. Просто хотелось посидеть немного в кресле, покурить, посмотреть на «Малютку». Ох и измотала же она всех нас!

Панель «Малютки» была снята, и я видел внутренности установки — все это переплетение проводов, бесчисленные сопротивления, микросхемы, конденсаторы... Постепенно на меня накатило умиротворение. Работа сделана, думал я. Полтора года прошло не даром. Завтра привезем с базы источник питания и запустим нашу «Малютку» в работу. Что такое лишний день ожидания по сравнению с месяцами поиска, с десятками бессонных ночей, натъканий на стену, попаданий в тупик? Работа сделана — это главное.

Помню, я курил «Коинот». Обычно сигареты мне хватает на 15 минут. Если бы мне дали высидеть эти четверть часа в кресле, я бы встал и наверняка ушел бы домой. Но вышло иначе.

Дверь лаборатории скрипнула и открылась. На пороге стоял коротенький аккуратный старичок — наш вахтер.

Он поприветствовал меня по старому обычаю:

— Бог помощь, племянник!

— Будьте здоровы! — как полагается, ответил я.

При этом мне пришлось повернуться лицом к двери. Прямо в глаз ударил свет ярчайшей лампы, укрепленной над входом. Кто притащил в лабораторию этот прожектор? Режет глаза. Сколько раз я говорил ребятам, чтобы заменили лампу на менее мощную. Хоть кол на голове теши!

— Будете еще работать? — спросил между тем вахтер, разглядывая «Малютку».

Его вопрос почему-то вызвал у меня раздражение. Живо вспомнилась неудача с пробным включением установки. Опять же эта лампа... Да и вообще, что нужно здесь этому человеку, не знающему даже, чем отличается анод от катода.

— Да, — ответил я холодно, — а в чем дело?

Он пожал сутулыми плечами:

— Так просто... Поговорить хотелось с живой душой. — Он в некотором смущении осмотрел лабораторию и спросил: — Послушай, племянник, что за блестящую коробку привезли к нам на прошлой неделе? Чуть не уронили тогда на лестнице. Тяжелая, наверное? — И он указал на вакуумное устройство.

— Это, отец, такая штука... — начал было я излагать в популярной форме, и тут меня осенило. Черт возьми! Как же мы могли упустить это из виду, шляпы несчастные! Ведь в вакуумном устройстве есть автономный источник питания! Кусок проволоки — и «Малютку» можно включать немедленно! Необоримое чувство сродни азарту заставило меня вскочить с кресла.

Я и не заметил, как старичок незаметно ретировался...

Я обшарил все столы и шкафы. Что за наваждение! Нет подходящего провода! Как говорит старая поговорка, бедняка даже на верблюде собака кусает. Наконец на глаза мне попала катушка с красноватой проволокой небольшого сечения. Не совсем то, что нужно, но все-таки...

Через 15 минут источник вакуумного устройства был подключен к «Малютке»... Должно быть, я не осознавал, что делаю. От нервного возбуждения все во мне дрожало... Решительно я нажал на четырехугольную кнопку с надписью «Пуск», предвкушая, как сейчас заработает «Малютка».

Послышался сухой треск. Провод, перегоревший в одном из зажимов, рванулся в мою сторону, обвился вокруг руки...

Отскочить я не успел... Последнее, что я запомнил, — это яркая лампа над входом, которая вдруг стремительно начала расти, превращаясь в ослепительный диск. Диск плыл к моей голове, плавил мозг, испуская огненные кольца. Падения я уже не ощутил.

* * *

Солнца я не видел. Оно было там, высоко в небе, скрытое от меня сплошным зеленым ковром из густой листвы, ветвей и переплетенных лиан. Однако каждая моя клеточка воспринимала солнечный свет. Казалось, лучи прожгли мою кожу и добрались до нервов. Я чувствовал животный, необоримый страх — страх перед светилом.

«Постой! — вдруг обожгла меня мысль. — Какое солнце? Что это за зелень? Откуда здесь деревья?! Где я?!» Я пытался приподнять голову, руку, но не мог пошевелить даже мизинцем. Я не владел своим телом! Тут мне вспомнилась «Малютка», возня с источником, вахтер, лампа, сильный удар.

Быть может, я нахожусь на операционном столе под наркозом и этот тропический лес грезится мне во сне?

Внезапно мое тело — помимо моей воли! — поднялось с земли... Не буду описывать растерянности, изумления, отчаяния, охвативших меня при этом. Я увидел свое тело. Мускулистое, обнаженное, оно было покрыто густой бурой шерсткой. Ступни ног были узкими, я едва удерживал равновесие. Собственно, это были не ноги, а косматые лапы с плоскими загнутыми когтями.

Я стоял на обрывистом берегу какой-то быстрой речушки. Вокруг пышно расстился невообразимый растительный мир: высокие сочные стебли с ярко-зелеными гигантскими листьями, кусты, похожие на гигантские папоротники, красные и желтые цветы величиною с зонтик. Почва была покрыта густой и жесткой травой. Повсюду перебегали какие-то мохнатые жуки, по сравнению с которыми скорпионы и каракурты показались бы божьими коровками. И на всем лежала тень — густая, плотная тень от зеленого ковра наверху, сквозь который все равно проникали страшные невидимые лучи...

Медленно я побрел вдоль берега реки, где тень была как будто гуще. ...Нет, слова «я побрел» не совсем верные. Побрела обезьяна, а я был всего лишь свидетелем ее продвижения. Внезапно я почувствовал резкую боль — в ногу обезьяны впилась острая колючка. Обезьяна опустилась в траву и принялась вытаскивать колючку... я чуть было не сказал пальцами. Нет! Она протянула к колючке неуклюжую растопыренную пятерню с когтями, желтыми и сточенными. Когти больно скребли кожу вокруг колючки, не в силах ухватить ее. Наконец обезьяна нагнула голову и, вцепившись в колючку желтыми зубами, вырвала ее из ноги вместе с клоком шерсти.

Пока обезьяна занималась этим важным делом, я лихорадочно строил гипотезы, чтобы хоть как-то объяснить происшедшее. Галлюцинация, сон, бред — эти предположения я отбросил сразу же. Слишком реален, осязаем был мир, раскинувшийся передо мной. Наконец я пришел к заключению, которым был вынужден удовлетвориться.

По всей видимости, я погиб, попав под высокое напряжение, мой мозг извлекли из тела и поместили в холодильную камеру, где он пролежал много десятков лет. Затем его вновь активизировали, и сейчас я участвую в каком-то научном эксперименте, цели которого узнаю несколько позднее...

Не очень толковое предположение, но зато я успокоился и даже начал анализировать свое состояние.

Итак, мой разум находится в теле обезьяны, предположительно первобытной обезьяны. Обезьяна жила своей жизнью. Между моим сознанием и ее дремучим неповоротливым мозгом существовала односторонняя связь — я чувствовал то же, что и она: боль, жару, страх, влагу, голод. Я воспринимал каждое ее движение, любое побуждение. Она же и не догадывалась о моем присутствии. Напряги я всю свою волю — я не мог бы заставить ее даже почесаться. Я был только зрителем, зрителем какого-то непонятого мне спектакля.

Поэтому, наверное, лучше всего продолжать повествование от третьего лица. И только когда потребуется что-либо объяснить, в разговор буду вмешиваться я.

Итак, обезьяна шла вдоль берега реки. Движения ее были неуверенными и робкими. Ее тяготил страх — оказаться на освещенном солнцем пространстве.

Неподалеку показался развесистый куст, гибкие ветви которого усыпали желтые плоды, похожие на небольшие дыни. На нижних ветках плодов не было видно, здесь их уже объели. Достать же плоды с верхних веток обезьяна не могла — слишком тонким и гибким был ствол растения. Рядом с кустом высилась груда камней, лежало несколько сухих веток. Однако обезьяна и не догадывалась, с каким успехом можно их использовать.

Она принялась прыгать. Надо сказать, прыгучесть у нее была отменная. До плодов она так и не дотянулась, но, прыгая, невольно задевала лапами нижние ветви, от этого начинал трястись

весь куст. В конце концов несколько «дынь» упало в траву. Обезьяна с жадностью впиалась в мякоть зубами, чавкая и озираясь по сторонам. Кисло-сладкий сок тек по ее мохнатому подбородку, капал на волосатую грудь.

Вдруг она замерла, напряженно склонив набок узколобую голову. В кустах послышался легкий шорох. Раздвинулись листья, показалась страшная звериная морда с небольшими ушами и двумя длинными — чуть не до земли клыками, похожими на костяные сабли. У зверя были красные глаза, густая жесткая шерсть. Пригибаясь к траве, зверь выбрался из засады — огромный, с могучими полосатыми лапами.

Обезьяна пронзительно закричала и, выронив плод, бросилась бежать по берегу реки. Страх гнал ее в неизвестном направлении...

Бежала обезьяна невероятно быстро, но зверь (кажется, это был саблезубый тигр) не отставал. Более того, расстояние между ними сокращалось. Нет, не в беге было спасение обезьяны: ей бы добраться до рощицы и там, цепляясь за ветки, прыгать с дерева на дерево, но вокруг были либо сочные ломкие стебли, либо тонкие и гибкие кусты.

Признаюсь честно, если бы мой разум мог руководить действиями обезьяны, я бы все равно не знал, что ей подсказать, настолько неожиданно все случилось.

Страх овладел мною не меньше, чем обезьяной. А вдруг это не эксперимент?! Вдруг все по-настоящему? Погибнуть — и где?! В доисторическом лесу! Да полно! Не сошел ли я с ума?

Отточенные клыки-сабли были реальностью, реальностью был страх и этот дикий бег под сплошным зеленым ковром. Я просил, умолял, заклинал свою обезьяну: «Ну, быстрее! Еще! Нажми!» Вдруг впереди почти рядом показалась группа деревьев, похожих на развесистые орешины. Вот наше спасение! Чтобы добраться до них, нужно было всего-навсего пересечь неширокую ярко-зеленую поляну, щедро залитую солнцем.

К моему удивлению, перед самой поляной обезьяна остановилась как вкопанная. Ее остановил новый страх, гораздо более сильный, чем страх оказаться в лапах хищника. И это был страх перед солнцем!

Я воспринимал его, но ничего не понимал. Солнце светило жарко, однако вполне терпимо. Выдайся такой денек в моих родных местах, я не упустил бы возможности позагорать.

Остановился и хищник, терзаемый тем же страхом. Он тоскливо завыл, скребя когтями по земле. Сейчас я хорошенько рассмотрел его. Это был поджарый зверь величиной с молодого бычка. Вид у него был такой свирепый, что тигр нашего времени показался бы рядом с ним котенком. Под полосатой шкурой тугими буграми перекачивались мышцы. На подбородке саблезуба виднелись две природные складки-чехла: в них хищник обычно прятал свои клыки, чтобы те не тупились в густой и жесткой траве.

Нерешительно двинулся саблезуб к обезьяне. Та завизжала, заметалась, не смея ни бежать, ни защищаться. Хищник подошел ближе и полуоткрыл пасть, как бы демонстрируя, что, помимо клыков-сабель, у него есть и другое оружие.

И тогда отчаявшаяся обезьяна, окончательно потеряв над собой контроль, решила на невероятный шаг — выбежала на поляну, жмурясь от солнца. Теперь ужас обуял уже хищника. Повернувшись, он стремительно исчез в траве.

«Уф!» — мог бы наконец сказать я. Но не моя обезьяна. Едва хищник исчез, она словно опомнилась и с визгом бросилась в спасительную тень к реке. В одном месте берег был более пологим, в красной глине виднелись небольшие вымоины — пещерки. Не прекращая визжать, обезьяна начала спускаться к воде. Но ее когтистые лапы не удержались на влажной глине, и, поскользнувшись, она мгновенно съехала вниз, вновь оказавшись на солнце.

Теперь я тоже боялся его. Лучи светила били по голове, как тяжелый молот, красный диск пылал, как раскаленная сковорода. Все померкло в моих глазах.

* * *

Сознание медленно возвращалось ко мне. Ныло все тело. Наверное, я стонал. Голова словно свинцом налилась, но постепенно глаза обретали способность видеть.

Я... лежал в лаборатории на полу. Рядом с моей правой рукой валялся оборвавшийся провод. Он свился наподобие пружины.

С трудом поднявшись, я принялся наводить порядок в лаборатории. Отключил источник. Скорее, скорее прочь эти чертовы провода! Мельком глянув на часы, я с удивлением обнаружил, что мое обморочное состояние продолжалось менее пятнадцати минут. Ну, конечно, со мной был обморок! Однако как объяснить видения и чувства, которые я испытывал в эту четверть часа? Даже сейчас, находясь в своей лаборатории, я не сомневался в реальности только что пережитой погони. Тропический лес, обезьяна, саблезуб, непонятный страх перед солнцем — я в жизни не думал о таких вещах. Отчего же они так ясно пригрезились мне? У меня не было никакого, даже самого абсурдного объяснения. Никогда я не был так ошарашен, сбит с толку, как в эти минуты.

И тут мой рассеянный взгляд упал на «Малютку». Я увидел несколько перегоревших и почерневших узлов. Короткое замыкание? Этого только недоставало! Первым моим побуждением было заменить вышедшие из строя детали. Увы! Все наши запчасти и инструменты хранились в большом металлическом шкафу, ключ от которого имел только завлабораторией Аброр-ака. Значит, завтра, когда ребята придут на работу... Что я им скажу? У меня перехватило дыхание.

Усталость, удар током, невероятный сон, авария «Малютки» — все это разом обрушилось на меня. Оцепенев, стоял я посередине лаборатории.

В коридоре послышались шаги. Дверь открылась. Вошли Аброр-ака и Альберт Евдокимович, наш ведущий конструктор.

— Проезжаем мимо, смотрим — свет в окнах горит. Значит, запустили «Малютку»? — весело спросил Аброр-ака. Но оживление тут же погасло на его лице. — Что с тобой, Камал? — тревожно спросил он.

Я стоял ни жив ни мертв.

— Эгей! — присвистнул Альберт Евдокимович, уставившись на «Малютку».

Густые брови Аброр-аки поползли вверх.

— Что здесь произошло, Камал?

Огненные кольца снова поплыли перед моими глазами. Я почувствовал, что проваливаюсь в адскую пропасть, на дне которой пылал ослепительный диск.

— Что с тобой, Камал? Камал! Камал, говори! — неслись мне вдогонку слова.

Но бездна уже поглотила меня.

* * *

Не могу передать весь ужас, когда мне стало ясно, что я вновь пробудился в теле обезьяны. Можно было строить любые предположения по поводу первого эпизода, но оказаться в доисторическом лесу вторично... Нет!

Я отчаянно принялся напрягать память. Я вспоминал детство, дом, знакомых, родственников, недавнюю туристическую поездку в Болгарию, своих коллег, работу над «Малюткой», математические формулы, разные забавные случаи, даже анекдоты. Всеми силами

я стремился стряхнуть с себя наваждение. Тщетно! Более того, с каждой минутой я все отчетливее ощущал реальность окружающего меня мира.

Я снова оказался в первобытном лесу. Но этот лес был уже иным. Не сочные стебли и не гибкие кустарники окружали меня. Стволы мощных деревьев уходили высоко в небо, раскинув там широкие кроны. Мягкую болотистую землю покрывал влажный мох. Среди болезненно-светлой зелени виднелись маленькие желтые цветы. При каждом шаге почва чавкала, словно горестно вздыхая.

Лес был полон животных. Я видел грациозные силуэты антилоп, смутные очертания хищников, округлые контуры травоядных. Но странным было поведение этих существ. Словно неведомая болезнь поразила обитателей леса. Животные передвигались вяло, низко пригнув голову к земле, старались укрыться в тени. Они явно сторонились светила, но делали это как будто по привычке, поводя по сторонам мутными, безразличными глазами.

Да, лес вокруг был иным. И обезьяна, в теле которой я оказался, тоже была другой. Это был крупный, рослый самец, тело которого покрывала короткая шерсть. Длинные передние лапы почти достигали колен. Лапы ли? Я увидел хорошо развитую гибкую ладонь, подвижные пальцы с плоскими, хотя и острыми ногтями. Нет, это уже не лапа. Это рука.

Ступни ног трансформировались менее заметно, хотя и стали шире. Во всяком случае, теперь животное гораздо легче сохраняло равновесие, передвигаясь на двух конечностях.

Я сказал «животное» и тут же подумал — не ошибся ли? Мозг существа был темен, им управляли древние инстинкты, но я чувствовал, как упорно пробивается сквозь их толщу зародыш смутной мысли.

Кто же это существо? Еще не человек, но уже не животное.

Наблюдения за окружающей средой и поведением моего существа позволили мне на некоторое время отвлечься от тревожных дум. Но постепенно отчаянье вновь овладело мною. Это не сон и не бред, говорил я себе. Но что произошло? Какой волной унесло меня из двадцатого века на многие тысячелетия назад? Причем унесло только мой разум, оставив неизвестно где тело. Я лихорадочно перебирал самые смелые гипотезы моего времени и даже... сюжеты фантастических романов, но ответа не находил.

По-прежнему я воспринимал малейшее побуждение существа, в теле которого оказался, но ни в коей степени не мог повлиять на его поведение.

Между тем обезьяночеловек шел вдоль быстрого ручья, что огибал горную гряду. Я заметил, что он старательно обходит освещенные солнцем места. И еще я понял, что ему нездоровится. Он не был серьезно болен, но его организм, упорно сопротивляющийся наступлению какого-то недуга, уже ослабевал в этой борьбе.

Внезапно обезьяночеловек остановился, пристально уставившись на ручей. В воде у самого берега медленно шевелила плавниками крупная рыба.

Существо отступило на несколько шагов и принялось поспешно озираться по сторонам. Я воспринял его радость, когда ему на глаза попала толстая сухая ветка с узловатым утолщением на конце.

Ухватив эту импровизированную дубинку обеими руками, обезьяночеловек бросился к ручью и замолотил ею по воде. Я поразился силе его ударов. Какое-то время ничего нельзя было разглядеть, лишь брызги летели далеко в сторону. Наконец брюхом кверху всплыла рыба.

Существо с жадностью схватило ее, отшвырнув ставшую теперь ненужной дубинку. Усевшись под деревом, прямо на его корявый корень, обезьяночеловек впился в рыбу зубами и ногтями. Однако жесткая чешуя не поддавалась его усилиям. Тогда он выковырял из земли камень, причем не первый попавшийся, а с острым краем и вспорол этим камнем рыбину. С четверть часа продолжалось пиршество...

Насытившись, обезьяночеловек опять пошел вдоль ручья. Чувство голода он утолил, но хворь, подтачивающая его силы, не отступила — это я понимал ясно.

Внезапно у него закружилась голова, и он устало опустился на землю, тяжело дыша и бессмысленно глядя перед собой.

На той стороне ручья в скале виднелась расщелина, вернее, узкий вход в пещеру. Оттуда веяло прохладой. Бесчисленное количество раз проходил обезьяночеловек мимо этого места, не обращая никакого внимания на пещеру. Он и сейчас равнодушно прошел бы мимо, если бы не острый приступ слабости.

Он бессмысленно смотрел на густую тень, отбрасываемую скалой, и внезапно его мозг как бы озарился вспышкой. Подобно молнии, в этом дремучем сознании блеснула мысль.

С трудом поднявшись с земли, обезьяночеловек вброд перешел ручей и несмело влез в пещеру. Пещерка была небольшая, сухая и хорошо проветривалась. Мой реципиент, хрипло вздыхая, растянулся на полу.

Не знаю, сколько прошло времени — может, двадцать минут, может, полчаса, но вдруг я с удивлением обнаружил, что состояние обезьяночеловека заметно улучшилось. Исчезла ноющая головная боль, болезненная вялость. Я начал догадываться, что это связано каким-то образом с тем, что пещера надежно оградила обезьяночеловека от действия солнечных лучей. Неужели в те времена солнце таило в себе какую-то опасность? Однако поразмыслить над этим явлением я не успел.

Мой реципиент захрапел. Как это ни странно, вместе с ним уснул и я.

* * *

Вновь я почувствовал, что мое сознание начинает выплывать из небытия. Где же я окажусь? В доисторическом лесу? В далеком будущем? В моем XX веке?

Я открыл глаза (если только это выражение приемлемо) и с горечью убедился, что по-прежнему нахожусь в чужом теле. Но это было уже другое тело — тело Молодого Охотника из эпохи Зари Человечества.

«Что ж! — сказал я себе. — Надо набраться мужества и ждать... В конце концов все должно объясниться... А пока... пусть пока события текут своим чередом».

Молодой Охотник был мускулист и кряжист, с грубой красноватой кожей. У него был низкий треугольный лоб, сильные надбровные дуги и тяжелый свинцовый взгляд, хотя по натуре он, кажется, был добрым малым. На квадратные плечи он накинул старую оленью шкуру, всю в прорехах и проплешинах.

Сейчас Молодой Охотник стоял в толпе своих соплеменников у подножия Священной Скалы. Первобытные люди — около сотни особей — сбились в плотное полукольцо. У большинства был изможденный вид. Старики и старухи едва держались на ногах, а ведь им едва перевалило за тридцать.

Странное чувство охватило меня при виде этих существ с лицами, словно наспех вытесанными из камня. Даже обезьяна с ее звериными повадками произвела на меня менее тягостное впечатление, чем эти карикатурные творения, как бы пародирующие род человеческий.

Впрочем, детеныши первобытных людей были даже милы. В их черных глазенках светилось любопытство, они готовы были без устали возиться в пыли. Малыши грызли какие-то стебли, выковыривали из земли белые хрустящие корни и совали их в рот.

Хороша была и Быстроногая, на которую то и дело поглядывал Молодой Охотник. Эта

самка почти не сутулилась, а шерстка покрывала только ее плечи и ноги. Сквозь грубые черты ее лица, такие же грубые, как и у других самок, пробивалось тем не менее нечто светлое и нетленное... Да-да, смею утверждать — на земле зарождалась красота...

И, поняв это, я преисполнился если не симпатии, то сочувствия по отношению ко всему племени.

Между тем первобытные люди, как оказалось, обсуждали вопрос, право на который история признает лишь за их далекими потомками, — «быть или не быть?».

Внутри полукруга друг против друга стояли Вождь и Вещунья — тощая высокая старуха с жесткими белыми волосами, делающими ее голову похожей на большой одуванчик.

Вещунья проговорила лающим хриплым голосом, раскачиваясь из стороны в сторону и полужакрыв глаза:

— Охотники опять вернулись ни с чем. Уже много дней мы не ели мяса. Завтра нужно идти на охоту в Нижний Лес.

— Идти в Нижний Лес, — безропотно повторила за ней вся толпа.

Надо сказать, что речь людей была примитивной, даже убогой, в ней почти отсутствовали глаголы. И если здесь я вкладываю в их уста грамматически правильные фразы, то делаю это только для ясности и точной передачи смысла сказанного.

— Но в Нижнем Лесу охотятся Рыжеволосые, — набычившись, отвечал Вождь — очень крупный, сильный самец с широким, сплюснутым носом и большим ртом, почти пастью. Чувствовалось, что Вождь и Вещунья — враги.

— Нужно выгнать Рыжеволосых из Нижнего Леса и овладеть их пещерой. Старуха запрокинула кверху уродливое лицо, не лишенное, однако, выразительности.

— Выгнать Рыжеволосых, — зашелестели остальные, и первобытный ужас оживил их маленькие глазки.

— Мы не можем выгнать Рыжеволосых. Они сильнее. У нас мало мужчин. Очень многие не вернулись с охоты. — Вождь был тверд.

— Духи Солнца помогут нам стать сильнее! — вдруг пронзительно закричала Вещунья. — Надо просить духов, и они помогут нам.

— А нельзя ли попросить духов помочь нам на охоте?

— Не оскорбляй духов, иначе поплатишься, — с угрозой произнесла Вещунья. Затем повернулась лицом к Священной Скале и вознесла руки к небу, прокричав: — Станьте пылью, люди племени Само! Просите у духов помощи!

Все племя повалилось на землю, распласталось в пыли. Мужчины, женщины, старики, дети извивались, лежа, всем телом, катались по земле, натываясь друг на друга, и выли на одной ноте низкими грубыми голосами. Так продолжалось довольно долго.

Внезапно старуха обернулась, ее всклокоченные седые волосы походили на ореол.

— Духи Солнца услышали нас! — закричала она. — Радуйся, племя Само! Духи услышали нас!

Раздался восторженный вопль, который по знаку Вещуньи сменился абсолютной тишиной. Старуха обвела толпу безумным взглядом.

— Духи требуют жертву, — сказала она. — Они будут ждать до завтрашнего вечера. Если мы их не ублажим — нас ждет страшная беда.

— Завтра я сам поведу охотников! — воскликнул Вождь.

Итак, вопрос был решен. Вещунья осталась у Скалы, чтобы продолжить беседу с духами, а люди вслед за Вождем побрели к своей пещере. Чем дальше удалялось племя от Скалы, тем увереннее становился Вождь. Здесь, в пещере, его власть была неограниченной. В нее не вмешивались даже духи.

Каждому нашлось дело.

Хранительницы огня отправились за хворостом для костра, что день и ночь — годы подряд — горел в пещере. Кормилицы занялись маленькими детьми, стряпухи принялись толочь в больших каменных ступах собранное днем зерно и корни — единственную пищу племени в последние дни. Старики и детишки чинили шкуры, убрали пещеру.

Что же касается молодых здоровых мужчин, то те занялись приготовлениями к завтрашней охоте. На плоских шершавых камнях они точили копья — простые, подчас корявые заостренные палки, правили кремневые ножи и скребки для снятия шкур.

Пещера представляла собой продолговатый подземный зал с входом, защищенным от нападения диких зверей копьями и камнями. У каждого члена племени Само в пещере было свое определенное место, менять которое можно было только с разрешения Вождя. Мужчины-охотники занимали самый лучший угол пещеры, теплый и сухой.

Невесело было сегодня в пещере. Трудные времена настали для племени Само. Зарос илом Ближний Ручей, из-за этого пересохло Теплое Озеро, куда звери ходили на водопой. Ушел зверь, ушла рыба. Хорошая охота была в Нижнем Лесу, но Рыжеволосые не пускали туда охотников племени Само, рычали при их появлении, грозили копьями. Приближалась зима, а припасов не было. К тому же несколько охотников утонули недавно в болоте. Вот почему так недовольны люди, вот почему с жадностью слушали они Вещунью...

Наконец поспел скудный ужин. Вождь разрешил приступать к еде. На большие зеленые листья горкой наложили массу, напоминающую густое тесто. Первую порцию взял себе Вождь, вторую, как всегда, одна из девушек отнесла Вещунье в пещеру духов у Священной Скалы.

Охотники ели досыта, чтобы набраться сил. Последними накормили стариков...

Ранним утром охотники вышли в путь. На этот раз Вождь повел их вдоль подножия горного хребта в сторону болота. Место там было опасное, зато дичь встречалась чаще.

Всего охотников было двенадцать. Вождь разделил их на группы по два-три человека, и они разбрелись по лесу. У каждого было копье, на поясе висел очень острый кремневый нож длиной в полторы ладони. На каждую группу пришлось по каменному топору.

Молодой Охотник шел рядом с Вождем, переполненный радостью. Всякий раз, когда он выходил на охоту, его охватывало упоительное чувство борьбы, желание доказать свою силу и храбрость. Как хотелось ему именно сегодня выследить дичь! Он думал о том, какими глазами посмотрит на него Быстроногая, вернись он с добычей, и сам как зверь рыскал по сторонам в поисках следа.

Но в лесу было пусто. Тогда Молодой Охотник, набравшись смелости, заговорил с Вождем о том, что давно уже не давало ему покоя.

— Быть может, в Синих Горах охота лучше? — Он указал рукой на вершины, что вздымались над лесом.

— Наши отцы и деды никогда не охотились в Синих Горах. Нам нельзя нарушать их обычаи, иначе духи покарают нас, — спокойно ответил Вождь.

Юноша смущенно опустил голову.

Вдруг впереди между стволами мелькнуло что-то серое. Мелькнуло и остановилось.

Охотники тоже остановились, узнав леопарда. Их тела напряглись, узловатые пальцы крепче сжали копья. Хищник был крупным, сильным зверем. Мне даже показалось, что он крупнее нынешнего тигра. Он зарычал, показывая огненно-красную пасть. Но люди, хотя и были настороже, панического страха не испытывали, ибо в природе уже наступил великий перелом — человек стал сильнее зверя. Эту силу придали ему не только копье, нож и каменный топор, но главным образом чувство коллективизма. Обезьяны при виде хищника с криками бросались врассыпную, зверь догонял одну из них и задира. Человек же, подвергшийся нападению

дикого животного, звал на помощь, и соплеменники общими усилиями вызволяли его, хотя рисковали при этом жизнями. Но иначе было нельзя. Иначе человек и не стал бы хозяином леса.

Наверное, леопарду уже приходилось сталкиваться с людьми, и он запомнил, что от этих странных двуногих лучше держаться подальше. Мотнув напоследок мордой, он попятился и исчез в чаще.

Эта встреча показалась охотникам добрым предзнаменованием. Они уверовали, что охота сегодня будет удачной, встретятся им и другие животные.

Вдруг Вождь взял Молодого Охотника за руку и замер на месте. Оба прислушались, втянув воздух широкими ноздрями. В лесу слышался шорох, пахло кровью. Прячась за стволами деревьев, люди осторожно двинулись вперед. Возле зарослей багрово-темных кустов терзал остатки лани огромный бурый медведь. В некотором отдалении беспокойно переминались большие черные птицы в надежде поживиться остатками трапезы.

Мне часто приходилось видеть медведей: в зоопарке, в цирке. И всегда они казались мне добродушными, симпатичными существами. Я даже удивлялся ну, какие же они хищники, эти косолапые!

Но медведь, пожирающий лань, был свиреп и страшен. В нем чувствовалась безжалостная сила. Резкие движения говорили о мгновенной реакции. Пасть напоминала акулю — мощные челюсти, смертельная хватка. Однако Вождь и Молодой Охотник не обращали внимания на перепачканную кровью морду хищника, на его длинные когти; они грезили о гряде вкусного мяса, заключенного в эту бурую шкуру.

Участь зверя была решена. Вождь сделал знак Молодому Охотнику, а сам бесшумно двинулся к зверю. Тот, занятый добычей, ничего не замечал.

Наконец Вождь подкрался достаточно близко, чтобы начать охоту. Приготовив к броску копье, он пронзительно закричал.

Медведь от неожиданности оставил добычу и, поднявшись на задние лапы, яростно заревел.

И тут Вождь метнул копье. Как опытный охотник, он должен был попасть в глотку. Это лучший способ хорошо закончить охоту. Вождь считался лучшим охотником в племени. Именно за это его и выбрали Вождем.

Но сейчас он промахнулся. Наверное, дрогнула рука. Копье лишь слегка задело зверя, не причинив ему особого вреда.

Вождю подобные промахи не прощались. Сгорая от стыда, Вождь выхватил из-за кожаного пояса кремневый нож и бросился на медведя.

Где-то неподалеку слышались крики других охотников, спешивших на помощь. Бросился вперед и Молодой Охотник, крепко сжимая свое копье обеими руками и готовясь вонзить его в узкую белую полоску, что виднелась на животе медведя.

Наверное, хищник попросту успел насытиться, и оттого ему было не жаль расстаться с добычей. Молниеносно повернувшись, он ринулся в чащу. Было слышно, как там с хрустом ломаются ветки и шуршит потревоженная листва.

Несколько часов охотники преследовали ускользящую добычу. След вывел их к горам, но среди камней и валунов они его потеряли.

После этого удача отвернулась от людей. Даже мышки и той не встретилось им на пути. Медленно, понурив головы, брели они к стоянке, трепеща, что духи Солнца призовут их к ответу. Вождь был угрюм. Его и так пошатнувшейся власти приходил конец. Смущенным и растерянным выглядел Молодой Охотник. Вождь промахнулся на охоте! Значит, духи и в самом деле отвернулись от него?

Все племя вышло им навстречу. Оказалось, первая группа тоже вернулась ни с чем. Ужас вселился в сердца людей. Молодой Охотник увидел печальное лицо Быстроногой, и внезапно

его пронзило страстное желание укрыть, защитить, заслонить ее от надвигающейся беды.

Люди расступились. От Священной Скалы шла Вещунья. В руке она держала длинную палку с острым концом. На нее обычно накалывались лучшие куски мяса, которые относили на вершину Скалы по вырубленным в ней ступенькам.

Вещунья молча протянула палку Вождю и запрокинула голову.

Вождь сделал отрицательный жест.

Старуха издала истошный вопль:

— Ты обманул духов! Они не простят! Горе нам! Горе нам, люди племени Само!

Люди, так же как и вчера, распластались в пыли, слышался плач, рыдания, проклятья...

Вещунья наступала на Вождя:

— Ты должен держать ответ перед духами! Они сами решат твою судьбу! И она указала рукой на Священную Скалу.

Страшными были слова Вещуньи. Даже такой мужественный человек, как Вождь, побледнел и как-то съежился.

— Иди! Духи будут говорить с тобой! — вновь прокричала Вещунья.

Вождь повиновался.

Священная Скала представляла собой вросший в землю валун, внешне чем-то похожий на постамент известного памятника Петру Первому, только в несколько раз больший. В более пологом склоне были вырублены ступеньки. На острых камнях под скалой белели кости животных, высыхали остатки шкур. Видимо, здесь регулярно совершались жертвоприношения. Площадка вокруг Скалы была лишена какой бы то ни было растительности, плотным слоем лежала мелкая красноватая пыль.

Словом, Священная Скала была самой обыкновенной скалой с ровной площадкой наверху. Подъем на эту площадку не грозил никакими осложнениями. Мне был понятен страх людей, чувства Вождя, искренне верившего в духов. Но никакой реальной опасности для него я не видел.

Вождь поднимался все выше по крутым щербатым ступеням. Его волосатые колени дрожали, он что-то тихо шептал толстыми губами.

Люди племени Само провожали его взглядами, полными ужаса. Духов обманывать нельзя. А раз нет обещанной жертвы, то что же произойдет?

Наконец Вождь достиг вершины и замер на ней в напряженной позе, вобрав голову в плечи, словно ожидая удара.

— Встань у края на белый камень. Жди ответа духов, — с угрозой произнесла старуха.

Вождь повиновался. Люди замерли, ожидая, как поступят великие духи Солнца, которые могут все: дарить удачу на охоте, хороший урожай кореньев и плодов, наполнять реки и озера рыбой. А еще духи умеют наказывать: приносить смерть, голод, холодные зимы, болезни.

Вдруг Вождь вскрикнул, как-то нелепо согнулся и начал клониться в сторону обрыва. Секунда — и он беззвучно рухнул вниз на острые камни. Слышался сухой треск, будто раскололи большой орех.

Вопль ужаса застрял в каждом горле. Племя рухнуло на колени. Духи всеильны, духи могучи. Они карают, если им не приносить подарков. Люди извивались в пыли, умоляя духов сжалиться и простить их. Громче всех вопила Вещунья, которая рвала на себе волосы.

Признаться, я был озадачен таким поворотом событий. Потом, несколько поразмыслив, я пришел к выводу, что происшедшее каким-то образом связано с белым камнем, на который встал Вождь перед своей гибелью.

Первобытные люди с ужасом смотрели на распростертое тело того, кто еще недавно был их вожаком. Наверное, каждый видел небольшую, похожую на репей шарообразную колючку,

торчащую из его подвернутой левой пятки. Никто не придал ей ни малейшего значения, ибо подобные колючки ежедневно десятками цеплялись к телам людей и к шкурам, в которые они одевались.

Меня же эта колючка навела на мысль. Видимо, в белом камне на Священной Скале было несколько лунок, в которые Вещунья положила эти колючки, заблаговременно пропитанные каким-то ядом сильного паралитического действия. Скорее всего на белый камень можно было встать лишь так, что одна из колючек обязательно впивалась в ногу.

Вот и все, вздохнул я. Единоборство Вождя и Вещуньи за власть над племенем закончилось в пользу последней. Грустные мысли навевала эта победа. Хотя Вождь и был сторонником традиционного уклада жизни, его здравый смысл не раз спасал племя от голодного вымирания и других опасностей. Теперь же безраздельная власть над людьми перешла в руки выжившей из ума старухи, считавшей, что единственный верный путь — это борьба с Рыжеволосыми, то есть соседним племенем, более сильным и многочисленным.

Кстати говоря, старуха при всем своем коварстве сама искренне верила в духов Солнца. Она была убеждена, что все ее поступки заранее одобрены духами и подсказаны ими. И хотя она сама подстроила гибель Вождя, но внушила себе, что того наказали духи Солнца.

Наконец старуха сделала знак, и люди, изнеможенные и обессиленные, поднялись с земли. Вещунья велела всем идти в пещеру и готовиться к завтрашнему нападению на Рыжеволосых. Женщинам предстояло приготовить сытный ужин из последних припасов, мужчинам — привести в порядок оружие. Сама же старуха поднялась на вершину Священной Скалы, чтобы побеседовать с духами и попросить их о помощи. И когда она, стоя там, вознесла к небу свои худые с обгрызенными ногтями руки, а ветер растрепал ее длинные седые волосы, казалось, это невидимые духи вступили с нею в тайную беседу.

Ранним утром еще до восхода солнца начался этот бессмысленный и дикий поход. Перед выступлением Вещунья прокричала охрипшим на ветру голосом, что духи обещали свое покровительство мужчинам племени Само. Пусть мужчины смело идут к пещере Рыжеволосых, а она, Вещунья, вновь поднимется на Священную Скалу и будет неустанно просить духов о победе.

После этого своеобразного напутствия мужчины — около сорока человек двинулись в путь. Шли они нестройной толпой, время от времени испуская воинственные крики и потрясая копьями, будто подбадривая себя. Мало-помалу люди пришли в возбуждение, как хищники перед решающим прыжком.

Следом за мужчинами — метрах в трехстах — молча шли два десятка молодых женщин и девушек. Зачем? Воодушевлять своих соплеменников? Врачевать раненых? Оплакивать и погребать тех, кому суждено погибнуть? Этого я так и не узнал.

Среди женской группы была Быстроногая. Молодому Охотнику очень хотелось, чтобы она одобрительно посмотрела на него, и поэтому он кричал громче всех, напрягая свои и без того могучие мышцы, грозил копьём горизонту в белесой дымке.

Мужчины спустились по ярко-зеленому лугу, поросшему цветами и густой травой, к ручью, перешли его вброд и поднялись на невысокое каменистое плато.

С плато открывался необозримый вид. Виднелась большая долина, окруженная кольцом зубчатых гор. Ближние горы были пестры, как туркменский ковер, более отдаленные стояли синие, фиолетовые, еще дальше — голубые, словно подернутые туманом. В долине привольно раскинулся Нижний Лес. В ослепительно голубом небе царили невиданных размеров птицы. Жизнь была всюду — за каждым деревом, под каждым камнем. Суетились какие-то жучки, ящерики, мелкие твари. В лесу слышались крики зверей.

Сердце мое наполнилось болью и обидой. Я думал об огромной территории с

неисчислимыми богатствами, которые могли бы прокормить тысячи, десятки тысяч людей, а не то что два немногочисленных племени. Но какой парадокс! Вместо того чтобы объединиться и совместными усилиями познавать этот беспредельный для первобытного существа мир, два племени готовы кинуться друг на друга с копьями и кремневыми ножами.

Из лесу вышли трое охотников. Это были Рыжеволосые. Если не считать светлой окраски волос, внешне они мало чем отличались от людей племени Само.

Завидев неприятеля, нападающие испустили яростный вопль и бросились со склона вниз.

Рыжеволосые некоторое время смотрели на них с недоумением, затем повернули и скрылись в чаще.

Мужчины Само пустились по их следу. Лес в этом месте был гуще, пышнее. Упругие ветви хлестали по телам, острые травинки и листья ранили кожу, тугой воздух рвал легкие, но возбужденные предстоящей схваткой люди не ощущали ни боли, ни усталости.

Неожиданно заросли кончились. Глазам охотников открылась большая поляна, упирающаяся в невысокую горную гряду. На пологом склоне гряды тесной толпой стояли Рыжеволосые, вооруженные копьями и каменными топорами. При виде людей Само они оскалили зубы, как хищные звери, и зарычали.

Запахавшиеся мужчины Само замедлили шаг и остановились как бы в нерешительности. Инстинкт подсказывал им, что Рыжеволосые гораздо сильнее, но дремучий разум не находил верного решения.

В небе пылало жаркое тропическое солнце. Оно било людям Само в глаза, слепило их. Люди щурились, обменивались бестолковыми взглядами. Им казалось, что это духи Солнца подают им какой-то знак, но какой определить без Вещуньи они не могли.

Некоторое время обе группы первобытных людей поочередно издавали яростные вопли, грозно потрясая оружием. Казалось, два этих племени собрались на поляне лишь для того, чтобы накричаться вволю и попугать друг друга, а затем спокойно разойтись по пещерам.

Воинственный пыл людей Само шел на убыль. Во-первых, их было вдвое меньше, во-вторых, начала сказываться усталость, слишком много сил было затрачено на дорогу сюда.

Но тем большее возбуждение охватывало Рыжеволосых. Своими же криками они оглушили самих себя, а вид более слабого противника привел их наконец в неукротимую ярость. Я видел их налившимися кровью глаза, набухшие мышцы, пену, выступившую на губах.

В этот момент один из людей Само неловко задел острым концом копья своего соплеменника по плечу. Брызнула кровь, вид которой опьянил Рыжеволосых. Дело было решено.

С раскрытыми ртами (скорее, пастьями, а не ртами), страшные, озверевшие, ринулись они со склона на людей Само. Наверное, это была одна из первых военных атак на земле.

Люди Само не выдержали напряжения и бросились бежать. Вслед им полетели копья и камни. Послышался треск, хруст, кто-то завопил по-звериному.

Достигнув леса, мужчины Само столкнулись со своими соплеменницами. Те стояли, сбившись в кучку, растерянные, ничего не понимающие. Молодой Охотник увидел Быстроногую. Она стояла у дерева, прикрывая лицо тоненькой зеленой веточкой, словно надеясь защититься этой веточкой от опасности. Из-за зеленых листочков мерцали ее черные, расширенные от ужаса глаза. И вдруг Молодой Охотник ощутил неодолимое желание прикрыть Быстроногую своей грудью. И это желание наполнило его радостью. Не той первобытной радостью, которую дает предвкушение сытного обеда, а радостью новой, непонятной, щемящей. Под напором этой радости отступил инстинкт самосохранения. Молодой Охотник был готов умереть за Быстроногую.

В этот момент Рыжеволосые настигли всю группу. Сражение развернулось на небольшом

пятакке между густыми деревьями. Здесь копыта и топоры стали почти бесполезными, ибо цеплялись за ветви и лианы. В ход пошли кремневые ножи, кулаки и зубы. То тут, то там слышался визг, тяжелое дыхание или протяжный вопль. Полуобнаженные, лохматые, в звериных шкурах люди катались по земле, норовя вцепиться друг другу зубами в горло.

Молодой Охотник дрался как пещерный лев. Уже двое Рыжеволосых с раздробленными челюстями валялись у его ног. Он считал, что защищает Быстроногую. Но Быстроногой давно уже не было за его спиной...

Мощный удар камнем в руку заставил Молодого Охотника зашататься. Второй удар — в голову — сбил его с ног. Словно сквозь сон, доносились до него звуки утихающей битвы. Затем он почувствовал, что его связывают лианами и куда-то тащат. Страшно болела голова и обе руки.

Излишне напоминать, что, находясь в теле Молодого Охотника, я тоже прошел через все эти ощущения...

Сколько прошло времени, Молодой Охотник не знал, но постепенно к нему вернулись силы. Он даже сумел распутать лианы, которыми были связаны его ноги.

Он лежал на поляне, неподалеку от того места, где происходило сражение. Рядом с ним лежали еще шесть мужчин Само. Они негромко стонали. Чуть в стороне неподвижно сидели на траве несколько их соплеменниц. У Молодого Охотника помутилось в глазах — Быстроногой среди них не было.

Поблизости расхаживало несколько Рыжеволосых. Они свирепо поглядывали на пленников, то и дело поднимая к плечам каменные топоры.

В лесу послышался какой-то шум, словно сквозь чащу проридралась большая толпа. Шум становился все явственней. Наконец на поляну вышли другие Рыжеволосые. Они привели с собой всех людей племени Само — женщин, стариков, детей. Здесь была и Вещунья. Рыжеволосые относились к ней почтительно. Видимо, они решили, что с теми, кто служит духам, лучше не ссориться, чтобы не накликать на свою голову беды. Быстроногой не было и среди вновь прибывших.

Тем временем на поляну высыпало все племя Рыжеволосых. Окружив людей Само плотным кольцом, победители в упор рассматривали побежденных. Детишки смеялись, строили гримасы и кувыркались в траве, выискивая на стеблях жучков, которых между делом отправляли себе в рот.

Вперед вышел Вожак Рыжеволосых — косматый, дикого вида и дикой силы человек, похожий вросшей в плечи головой на вепря. Начал вершиться скорый первобытный суд.

Настала тишина. Рыжеволосые умолкли в предвкушении редкостного зрелища и с любопытством смотрели на пленников. Даже малыши, забыв на время о подножном корме, замерли, вцепившись в своих матерей.

Прежде всего Вожак спросил у Вещуньи, будет ли она просить своих духов, чтобы те помогли Рыжеволосым. За это он обещал сытно кормить мясом и ее, и духов. Старуха согласилась, поставив одно условие: Рыжеволосые должны уважать духов Солнца и слушать их советы. Этим ответом Вожак остался доволен. Он велел увести Вещунью в пещеру и хорошенько накормить ее.

Потом он осмотрел девушек и женщин Само, выбрав из них самых молодых и крепких. Отныне они будут женами Рыжеволосых, сказал он. И дети от них будут Рыжеволосыми.

Точно так же поступил он с детьми, отобрав среди них всех здоровых и сильных.

Оставшихся — по большей части стариков и старух — Вожак велел увести подальше в лес и оставить там. Охотиться они все равно не смогут и в конце концов умрут от голода или же станут добычей хищников.

Оставалось решить судьбу пленных мужчин — семерых сильных, здоровых мужчин. Вожак стоял возле них в раздумье. На его узком треугольном лбу обозначились глубокие складки. Этих людей нужно убить, сказал он наконец. Если их оставить в племени, они будут мстить Рыжеволосым, а если бросить в лесу, будут охотиться на зверей, которые принадлежат Рыжеволосым. Вожак поднял руку вверх, а затем резко опустил ее вниз.

В центр круга вошли трое Рыжеволосых с узкими каменными топорами, приблизились к несчастным пленникам. Топоры поднялись и опустились, трава и песок под нею заалели. Забилась в агонии и вторая жертва.

И тут инстинкт самосохранения взял свое. Молодой Охотник вскочил на ноги, освободился от распутанных ранее лиан и помчался вперед к спасительной чаще. Все произошло так быстро, что Рыжеволосые были ошарашены. А когда пришли в себя, беглец уже был далеко. Не оглядываясь, продираясь он сквозь заросли, бежал через лес, через плато к своей пещере, единственному месту на планете, которое знал. Он не думал о погоне, о боли, о будущем, он вообще ни о чем не думал. Одна страсть гнала его вперед — во что бы то ни стало добраться до пещеры. ...В пещере было темно и пусто. Рыжеволосые не только увели с собой людей, но и погасили очаг, огонь в котором поддерживался изо дня в день в течение многих лет, унесли шкуры, ступы, припасы, ножи — весь нехитрый скарб маленького племени.

Молодой Охотник сел на большой плоский камень в центре пещеры и бессильно уронил голову на грудь. Цели он достиг, но что делать дальше? Что делать одинокому, раненому, темному человеку в неоглядном враждебном мире?

Вдруг в дальнем углу пещеры послышался тихий шорох. Охотник вскочил, готовый к худшему.

Глаза его уже привыкли к мраку, царившему здесь. Охотник увидел... Из глубины пещеры к нему шла Быстроногая. Шла осторожно, робко, точно боясь поранить ногу. Остановилась рядом и погладила жесткой красноватой ладонью его плечо.

— Тебя не убили? — спросил он, не смея шелохнуться.

— Я убежала, — ответила она и потрогала его руку. — Очень больно?

— Нет, совсем не больно. — Ему как будто и в самом деле стало гораздо легче.

— Я вылечу тебя, — пообещала она, — старуха показала мне травы. — И Быстроногая неожиданно заплакала.

— Почему ты плачешь? — спросил Молодой Охотник, впервые притрагиваясь к ней. В нем вновь пробудилось чувство, испытанное в лесу перед схваткой с Рыжеволосыми.

— Что с нами будет? — всхлинула она. — Рыжеволосые придут и убьют нас.

— Мы спрячемся.

— У нас нет ни огня, ни пищи.

— Мы будем охотиться. А огонь я сумею развести. Мы уйдем отсюда через горы и там найдем новую пещеру. — Он становился увереннее с каждым словом.

— Разве у нас хватит на это сил?

— Хватит! — тряхнул он головой. — Я — сильный, ты — сильная. А потом у нас родится сын, а потом еще много сыновей и дочерей. У нас будет новое племя. — И Молодой Охотник осторожно сжал ее сильную руку.

* * *

Тут моя голова странно закружилась. Сознание затуманилось, словно отделяясь от тела Молодого Охотника. «Приключения продолжаются», — только и успел подумать я,

проваливаясь в никуда.

* * *

Очнулся я на обыкновенной металлической больничной койке. Но все-таки эта койка меня ни в чем не убеждала, как не убеждала и чисто выбеленная скромная комната, в которой я находился. Разве можно было поручиться, что за стенами этой комнаты не расстилается доисторический лес, где взывает к духам Солнца Вещунья, выслеживает дичь Молодой Охотник, а в пещере разводит огонь Быстроногая?! А может, я уже в иной эпохе, в теле какого-нибудь средневекового рыцаря?

Я приподнял голову и с превеликой радостью убедился, что нахожусь в собственном теле. Хотя я и был покрыт теплым шерстяным одеялом, но ощущал — каждая мышца повинуется разуму, моему разуму. Лишь перебинтованная рука внушала некоторое беспокойство.

Однако, где я ее поранил? Уж не в схватке ли с племенем Рыжеволосых? Должен сказать, что первобытная эпоха теперь казалась мне более реальной, чем последние события в лаборатории.

В моей комнате было небольшое окно, задернутое белой занавесочкой. Однако занавеску задернули не до конца, и, приглядевшись, я понял, что за окном город, большой, шумный, современный город.

Если судить по обстановке в комнате, то я нахожусь в своем времени, в последней четверти двадцатого века.

Однако... мало ли что...

Открылась дверь, в комнату вошел невысокий человек в белом халате. У него была аккуратная курчавая бородка и сухое, умное лицо исследователя. На большом носу сидели очки с сильными линзами.

Застав меня бодрствующим, он обрадовался.

— Ага! — воскликнул с удовлетворением. — Я вижу, дело пошло на поправку. Как самочувствие?

— Вполне нормально! — ответил я и ощутил, как заныла рука, поврежденная в стычке с Рыжеволосыми — тьфу! — вероятно, при падении в лаборатории.

— Меня зовут Эхсон Низамович, — сказал человек, — я главврач и одновременно хирург больницы, в которую вы имели несчастье попасть.

— Выходит, меня лечили вы?

— Правильнее сказать, я был одним из тех, кто занимался вашим здоровьем, — ответил он, тонко улыбаясь. Похоже, он был славным парнем, этот главврач.

— Никогда не думал, что медицина так здорово шагнула вперед. — Мне хотелось сделать ему комплимент. — Я получил массу впечатлений.

— Каких впечатлений? — слегка нахмурился доктор.

— Самых разных. Ведь я попал в доисторическую эпоху. Первобытнообщинный строй, охота, стычка с соседним племенем, поклонение духам Солнца — понимаете?

— Понимаю. — Он пристально посмотрел на меня, положил ладонь на лоб, пробормотал: — Как будто нормальная. — Потом добавил тихо: — Нет, о выздоровлении говорить еще рано. — И опять посмотрел на меня как на тихопомешанного.

— Доктор, я абсолютно здоров! — воскликнул я, сообразив внезапно, что к моим приключениям в телах сначала обезьяны, а потом Молодого Охотника медицина, а также Эхсон Низамович отношения не имеют.

Словом, повторилась сцена, не раз виденная мною в кинокомедиях. Доктор запретил мне разговаривать, велел обязательно уснуть и пообещал через несколько дней выслушать мои объяснения.

Он ушел, оставив меня в глубоком недоумении. Машины времени в наши дни не существует. Это ясно. И все-таки... каким-то образом я побывал в далекой эпохе, был свидетелем зари человечества. Как мне это удалось? Кто объяснит? Кто поверит?

Уснуть так и не пришлось. Через некоторое время в палату зашла медсестра Наргиза, по первому впечатлению очень серьезная и не улыбочивая девушка. К счастью, внешность оказалась обманчивой, характер у Наргизы был живой и общительный. Она выложила мне все новости.

В больницу меня привезли вчера вечером в тяжелом состоянии. У меня была абсолютная потеря сознания, причина которой не вполне понятна. Похоже, я попал под сильное напряжение, толковала мне Наргиза, однако сотрудники лаборатории категорически отрицают это.

Они утверждают, что я стоял посреди комнаты, потом неожиданно заметался и упал. При падении задел рукой за острый угол металлического стола и поранил ее. Так или иначе, а пришлось со мной повозиться.

Наргиза мне все это подробно рассказала.

От нее я узнал, что лежу в центральной городской больнице. Несколько раз в больницу звонили из лаборатории, справлялись о моем здоровье. Утром приезжали Аброр-ака и Альберт Евдокимович.

Наступили короткие зимние сумерки. Крупными пушистыми хлопьями повалил снег. Я смотрел, как мелькают за окном мириады снежинок, и мои мысли словно бы смешались с этим мельтешением.

Выходит, я был в обмороке? И все это мне пригрезилось? Но откуда эта предельная ясность, ощущение реальности всего происходящего? Откуда эта уверенность, что я действительно побывал в первобытной эпохе? Еще и еще раз я вспоминал страх всего живого перед Солнцем, судьбу маленького племени Само, битву в тропическом лесу, Быстроногую... Никогда ранее я не представлял себе ничего подобного. Значит, мои видения не могли быть просто игрой воображения. Нельзя вообразить то, о чем ты никогда не думал.

Почти до утра я пролежал, не смыкая глаз, стараясь составить лаконичный и ясный рассказ для Эхсона Низамовича. Я надеялся, что в конце концов он заинтересуется моими приключениями.

Однако наша с ним беседа на следующий день началась не совсем так, как я предполагал.

Осмотрев меня, Эхсон Низамович удовлетворенно хмыкнул и потрогал свою ассирийскую бородку.

— У вас удивительно крепкий организм, хотя по фигуре этого не скажешь, — произнес он, — ума не приложу, каким образом ваше сердце выдержало такой удар.

— Все благодаря моему прадеду Сабирджан-табибу.

— Который жил в доисторическом лесу? — подозрительно спросил доктор.

Я рассмеялся.

— Нет. Он жил в прошлом веке в местечке Чорсу под Ташкентом, но был хорошо известен от Бухары до Андижана. Для своего времени он был передовым человеком и знающим врачом.

— Прекрасно, но какая тут связь?

— А вот какая. В молодости прадед учился в Индии, долго жил там и овладел искусством йогов. Часть знаний он передал своему сыну, тот своему, и какие-то крупницы, естественно, достались по наследству и мне. Словом, я могу регулировать биение собственного сердца и успел его замедлить до того, как провод коснулся моего тела.

Эхсон Низамович только крикнул:

— Нда-а! С вами не соскучишься.

По выражению его прищуренных колючих глаз я понял, что отныне могу рассчитывать по крайней мере на острый интерес к собственной персоне. Тем лучше! И я начал свой рассказ, который Эхсон Низамович выслушал не перебивая. Я чувствовал — его охватывает возбуждение исследователя, нащупавшего интересную проблему.

Когда я закончил, он снял очки, протер их краешком халата и проговорил, массируя рубчик на переносице:

— С вами произошел в общем-то нередкий, но ярко выраженный случай пробуждение генетической памяти. Вы, вероятно, слышали, что человеческий мозг — это, по сути дела, склад-небоскреб, этажи которого заполняются информацией по мере развития индивидуума. Нижние этажи этого склада уже заняты информацией, накопленной всеми предыдущими поколениями. Эта информация поступает в наш мозг через гены. Она закодирована, и расшифровывать ее человек еще не научился.

— Выходит, я каким-то образом расшифровал ее?

— Вот именно, каким-то образом... Думаю, все дело в сочетании ряда факторов: стрессовое состояние, напряжение воли, непредвиденная ситуация, ваши способности йога... На какое-то время вы отключились от внешнего мира, а потом ваше сознание ошиблось дверью и попало не на тот этаж. И вы прочитали три эпизода из многих миллионов, хранящихся в вашей памяти, прежде чем снова подняться наверх.

— Науке известны подобные случаи?

— Я не располагаю статистикой. Но, думаю, многие оказывались в подобном положении, однако не придавали этому значения. Считали прочтенную на нижних этажах информацию бредом, галлюцинацией, сном. К тому же случайная расшифровка носит, как правило, отрывочный характер. У вас получилось иначе.

— Значит, Молодой Охотник существовал в действительности?

— Да, много тысяч лет назад. Скорее всего он и Быстроногая — одни из самых отдаленных ваших предков. — Эхсон Низамович усмехнулся: — Интересно, где, в каком лесу охотились мои?

— Что же с ними стало потом?

— Скорее всего ушли в горы. Просуществовать в ту эпоху вдвоем они вряд ли сумели бы. Вероятно, в горах они встретили другое, более миролюбивое племя, которое приняло их в свою пещеру.

— Знаете, мне даже как-то жаль, что я их никогда больше не увижу Молодого Охотника и Быстроногую.

— Погодите горевать. Рано или поздно наука научится расшифровывать генетический код, и тогда каждый человек сможет побывать в любой эпохе по собственному усмотрению. Представляете, какие возможности для науки, для развития человеческих эмоций!

— Как вы думаете, доктор, — осторожно спросил я, — моя эпопея имеет какую-нибудь научную ценность?

— Громадную! — Эхсон Низамович вскочил со стула и заходил по палате маленькими быстрыми шагами. — Особенно интересно ваше первое воспоминание.

— Первое? Но ведь там не было ничего особенного... Обезьяна убегала от хищника, погоня... страх... непонятный страх перед солнцем...

— Вот! — Эхсон Низамович резко поднял кверху указательный палец. Страх перед солнцем! — Он потрогал бороду и, сощурившись, спросил: Насколько вы слышаны о теории Дарвина?

— В общих чертах...

— Что значит в общих чертах?

— Знаю, что человек произошел от обезьяны.

— А задумывались ли вы когда-нибудь над тем, почему этот процесс не продолжается?

— То есть?

— Почему в нашу историческую эпоху обезьяны дают в потомстве обезьян, а не преобразуются в человека?

— Ну, доктор... — Я пожал плечами. — Видимо, так было заложено природой. С точки зрения нравственности, что ли... Ну, представьте, что на земле наряду с людьми существуют неандертальцы, австралопитеки — правильно я их назвал?

— Правильно.

— До сих пор на земле не искоренены расизм, фашизм... И это в отношениях между людьми. А если бы нашими соседями были и переходные виды? Сколько дополнительных проблем пришлось бы решать! Нет, природа мудра! Она правильно сделала в свое время, проведя резкую черту между человеком и остальным живым миром.

— Мудра-то она мудра, но ведь эту мудрость надо как-то объяснить.

— Наука пока бессильна.

— Не скажите. Вы знаете, что такое геомагнитные инверсии Земли?

— В общем-то я работаю в институте электроники. Если бы вы завели речь о приборах, научном оборудовании, я бы еще с вами потягался. А геомагнитные инверсии... Случайно это не смена магнитных полюсов Земли?

— Случайно смена. Через определенные промежутки времени — раз в несколько тысяч лет — наша старушка Земля меняет свои магнитные полюса, то есть северный становится южным и наоборот. В обычном состоянии Земля как бы окружена магнитным полем. Оно-то и предохраняет планету от космической радиации. Но это в обычном состоянии...

— Начинаю понимать. В какой-то момент инверсии наступает нейтральное состояние. Земля остается без магнитного прикрытия, так?

— Верно. И радиация достигает поверхности планеты, воздействуя на генетическую систему живых организмов. Менее приспособляемые виды погибают, остальные претерпевают мутации.

— То есть скачкообразный процесс эволюции с изменением некоторых свойств и признаков вида?

— Да. Именно это и произошло многие тысячи лет назад с обезьянами. Геомагнитные инверсии способствовали превращению обезьяны в человека благодаря труду. Хотя, возможно, род человеческий прошел через несколько мутаций, каждый раз преобразуясь. И после каждой такой мутации последовательно появлялись — дриопитек, австралопитек, питекантроп, неандерталец и, наконец, — Гомо Сапиенс — Человек! Во всяком случае, периоды геомагнитных инверсий Земли в точности совпадают с узловыми моментами эволюционного становления Человека. Кстати, с помощью облучения были созданы искусственные мутанты, например растения...

— Так вот оно какое, солнце!

— Разумеется, все это только теория, имеющая, правда, многочисленных сторонников. А теперь вы, сами не ведая, дали основательные свидетельства в ее пользу. И этот ваш обезьяночеловек... Существо, которое первым догадалось войти и поселиться в пещере. Ведь это, если угодно, Ньютон своего времени.

— Значит, я был свидетелем инверсии?

— Одной из инверсий, последствия которой породили инстинктивный страх перед солнцем.

Магнитные полюса заняли надлежащие им места, а этот страх, ставший культом светила, остался. Солнца боялись. Ему поклонялись. Вы видели жестокость, насилие, смерть. Но тогда же появились и другие ростки — любовь, чувство коллективизма, привычка к труду. Они развивались, эти ростки, и делали человека сильнее и лучше...

В палату заглянула Наргиза.

— Эхсон Низамович, там приехали из института к Камалу Сабирджановичу. Пускать?

Эхсон Низамович кивнул головой:

— Пускать. Теперь за нашего пациента можно не опасаться.